

УДК 323.15

Гайкин В.А.

Корейская диаспора в Маньчжурии колониальных планах Японии (1910 – 1931 гг.)

Korean diaspora in Manchuria in colonial plans of Japan (1910 – 1931)

С 1910 г. по 1931 г. Япония проводила в отношении корейской диаспоры в Маньчжурии политику, получившую название "защита и покровительство". Её целью было использование корейских переселенцев в целях японской колониальной экспансии в Северо-Восточном Китае.

Ключевые слова: *корейская диаспора, японская экспансия, Туманган, "Меморандум Танака", Цзяньдао.*

The Japanese government implemented policy of "protection and patronage" to Korean diaspora in Manchuria from 1910 to 1931. The purpose of that policy was to manipulate Koreans for an accomplishment of the Japanese colonial expansion in Northeast China.

Key words: *Korean diaspora, Japanese expansion, "the memorandum Tanaka", Tumen River, Tzyandao.*

С середины XIX в. корейцы начали заселять и осваивать долину пограничной реки Туманган и к началу XX в. в этом районе сформировался своеобразный корейский анклав на китайской территории, получивший название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживало 72 076 корейцев и только 21 983 китайцев [11, т.1, с.326].

Попытки японских экспансионистов установить в 1907 – 1909 гг. административно-политический и военный контроль над Цзяньдао продемонстрировали китайским властям планы Японии использовать присутствие корейцев в Маньчжурии в качестве предлога для проникновения в Маньчжурию. Китай после заключения в 1909 г. "Договора о Цзяньдао" с Японией начал проводить политику сопротивления корейской иммиграции. Согласно Договору, разрешалось проживание ненатурализованных корейцев только в Цзяньдао [16, Р. 135]. Двойственность положения корейцев заключалась в том, что, оставаясь гражданами Кореи, они находились под юрисдикцией китайских властей Цзяньдао.

Однако корейцы жили и в других районах Маньчжурии – в провинции Цилинь, долине реки Ялуцзян, вдоль линий КВЖД и ЮМЖД. Во всех этих районах корейцы, живущие там "де-факто", юридически были бесправны и полностью зависели от произвола китайских властей, которые в принципе могли либо выселить не перешедших в китайское подданство корейцев (а таких было большинство) в Корею. В мае 1910 г. китайские чиновники распространили "Правила управления корейца-

ми", действовавшие в районах вдоль реки Ялуцзян, на уезд Цзиань. Согласно правилам, кореец, решивший переселиться в Маньчжурию, должен был за три дня до этого предупредить китайские власти (пункт 10) [11, т. 9, с.335]. Переходить в китайское подданство могли только лица, во-первых, вышедшие из корейского подданства, во-вторых, прожившие более трех лет в Китае.

Событием, ухудшившим отношение китайской администрации к корейской диаспоре в Маньчжурии стала аннексия Кореи Японией в августе 1910 г., после которой корейцы в Корее и за рубежом стали считаться японскими подданными. Граница между Китаем и Кореей стала границей между Китаем и агрессивно ведущей себя Японией.

Компромиссным результатом японо-китайских переговоров о корейских переселенцах был пункт, внесённый в "соглашение о корейско-маньчжурском прямом сообщении", которое было заключено в 1911 г. Пункт гласил: "Корейцы, давно проживающие в Китае, могут оставаться на месте жительства, другие же корейцы могут приезжать в Китай по железной дороге, только будучи снабжёнными "хучжао", то есть паспортом от китайского правительства" [5, с.14].

Помня о той роли, которую сыграли корейцы в недавнем споре из-за Цзяньдао¹, китайское правительство провело ряд мер по ограничению проживания корейцев в Маньчжурии, видя в этом предпосылку для возможной агрессии Японии.

Японцы не упускали возможности играть роль защитников корейских переселенцев. 20 сентября 1913 г. газета "Сеул пресс" писала: "В уезде Аньдун китайские власти решили к концу ноября выселить за границу всех корейцев-арендаторов земельных участков. За корейцев вступился японский консул в Аньдуне, который обратился к властям с просьбой отменить распоряжение. Вследствие этого заступничества отношение к корейцам изменилось к лучшему" [4, 1913, № 159, с. 18].

Необходимо отметить, что китайская администрация проводила репрессии против корейцев, не принявших китайское подданство. Опасаясь гонений, корейские крестьяне в Маньчжурии стали массово принимать китайское гражданство. Переход в китайское гражданство поощрялся. По сообщению газеты "Далёкая окраина", "Пекинское правительство уведомило мукденскую администрацию, что корейцы, проживающие в Маньчжурии и принявшие китайское подданство, могут быть занесены в избирательные списки наряду с китайцами" [3, 1912, № 1719].

Правовое (а точнее бесправное) положение корейцев в Южной Маньчжурии несколько изменилось после 1915 г. Китайское правительство было вынуждено подписать с Японией договор, который вошёл в историю как "21 требование". Согласно первому пункту этого договора, японским подданным, которыми считались и корейцы после аннексии Кореи Японией, разрешалось проживание, занятия торговлей, аренда земли на длительный срок в Южной Маньчжурии [1, 1915, № 34, с. 241]. Таким образом, жившие в этих районах фактически бесправные корейцы, за исключением принявших китайское подданство, теоретически приобрели такие же права, как и корейцы Цзяньдао. Более того, являясь формально иностранцами (японскими гражданами), обладающими правом экстерриториальности, становились неподсудны китайским судам.

На укрепление японского влияния в Цзяньдао с 1920 г. выделялась особая статья экстраординарных расходов в бюджете "корейского генерал-губернаторства". И как утверждали колонизаторы, "правитель-

¹ См. об этом: Гайкин В.А. Проект "Туманган": из прошлого в будущее // Ойкумена. 2008. № 2. С.153-157.

ство в сотрудничестве с японскими консульствами в Маньчжурии делало всё возможное для их (корейцев – В.Г.) благосостояния, учреждая школы и больницы, проводя финансовые льготы, помогая беднякам во время стихийных бедствий" [13, с. 159]. На "помощь" корейцам было израсходовано в 1921 г. – 288368 иен, 1922 г. – 618072 иены, 1923 г. – 782095 иен, 1924 г. – 943764 иены. 1925 г. – 744071 иена, 1926 г. – 760849 иен, 1927 г. – 935949 иен [11, т. 10, с. 658]. С 1921 г. по 1927 г. расходы на эти цели возросли более чем в три раза.

Существовали и секретные фонды "Помощи маньчжурским корейцам". В закрытой инструкции от 15 мая 1919 г. указывалось, для каких целей предназначены эти средства: 1. Подкуп влиятельных лиц в среде антияпонски настроенных корейцев. 2. Ведение прояпонской пропаганды и пресечение антияпонской агитации. 3. Скупка антияпонских изданий для предотвращения распространения антияпонских идей. 4. Создание организаций для борьбы против патриотических антияпонских обществ [11, т.10, с. 102].

В 1921 г. министерство иностранных дел Японии заключило с маньчжурскими властями соглашение, разрешающее японским экспансионистам "заботиться" об образовании, состоянии здоровья корейских переселенцев, организовывать в Маньчжурии "общества корейских резидентов" [10, с. 284].

Экономическая политика в Цзяньдао проводилась через различные японские компании и банки, филиалы японских фирм, учреждённых в Маньчжурии. Их основная цель – финансирование вывоза сельхозпродуктов в Японию, закабаление корейских крестьян, установление контроля над пахотной землёй и производством сельхозпродуктов через кредитование производителей, скупка земель и эксплуатация арендаторов.

В 1911 г., когда в результате пожара в Лунцзинцуне сгорела половина домов, было основано "Канто кюсайкай" (Цзяньдаоское общество вспомоществования) "для оказания помощи" корейским погорельцам через предоставление ссуд [7, с. 258]. В секретном японском издании прямо говорилось " ...корейское генерал-губернаторство, чтобы расширить наше влияние...выделило 25 тыс. иен, чтобы сразу приступить к скупке земли в районе Лунцзинцуня, предоставляя ссуды корейцам под заклад их земли" [11, т. 9, с. 862]. Если проценты по ссудам не платились больше года, земля переходила в собственность "Цзяньдаоского общества вспомоществования", а кореец переходил на положение арендатора. До 1915 г. ссуды получили 73 корейца на общую сумму 12435 иен и 10 японцев на сумму 4150 иен [11, т. 9, с. 863].

В 1918 г. в Цзяньдао был основан филиал компании "Тотаку" (Восточно-колониальная компания), и функции "Канто кюсайкай" перешли к нему. "Тотаку" больше 80% капитала вкладывала в сельское хозяйство. С 1926 г. начала давать ссуды корейским крестьянам, в заклад принимался урожай за 70% рыночной цены [7, с. 259].

Одним из проводников японского экономического влияния в районах Маньчжурии, населённых корейцами, было "Тоа кангё кабусики кайся" ("Восточноазиатское общество поощрения производства"). Эта полуправительственная компания с участием капитала крупных монополий, занималась кредитованием корейских крестьян, скупкой земель в Маньчжурии. Земля зачастую покупалась на имя подставных лиц – китайцев [8, с. 175]. Капитал компании составлял в 1927 г. 20 млн. иен [11, т. 10, с. 621]. Правительство (японское?) оказывало ей регулярную помощь, которая увеличилась с 50 тыс. иен в 1922 г. до 150 тыс. иен в 1926 г. В Маньчжурии компания владела 126 300 тё земли, из них 2084 тё рисовых полей, которые обрабатывали 665 дворов арендаторов-

корейцев [11, т. 10, с. 679].

Особенно важную роль играли общества корейских резидентов (Тёсэндзинминкай). Первое такое общество было основано японским консулом в Аньдуне в 1913 г., затем были созданы общества в Цзяньдао в провинции Цзилинь. В уставе общества корейских резидентов в Тэлине было указано, что цель этой организации – повышение благосостояния её членов, улучшение санитарии, образования, развитие экономики. Председатель уездного общества назначал районных старост и старост "десятидворок".

Общества получали финансовые средства, как путём сбора членских взносов, так и через получение помощи из Японии. Так, общество в Аньдуне в 1928 г. получило от министерства иностранных дел Японии 8860 иен, от корейского генерал-губернаторства – 9410 иен [11, т. 10, с. 644]. В 1922 г. в Цзяньдао были открыты финансовые отделы обществ – в Тоудаогоу, Хунчуне, Яньцзи, Лунцинцуне. Финансовая деятельность заключалась в предоставлении ссуд "среднякам хозяйствам" [7, с. 255], и постепенном установлении контроля над сельским хозяйством Цзяньдао. До мая 1927 г. от финансовых отделов обществ ссуды получили 5617 дворов корейцев, то есть 10% корейских хозяйств Цзяньдао [11, т. 10, с. 368]. Учитывая, что ссуды предоставлялись главным образом середнякам хозяйствам, каковыми в условиях Цзяньдао были крестьяне-собственники, то в этой группе ссуды получили около 28% хозяйств [11, т. 10, с. 636].

Финансирование японским правительством этих обществ, которые представляли собой передаточный механизм контроля над корейцами со стороны консульств Японии в Маньчжурии, было важным инструментом японского политического и идеологического влияния. Деятельность этих структур заключалась в проведении переписей корейцев, различных обследований, руководство школами. Они вели идеологическую обработку корейской диаспоры, боролись с участниками национально-освободительного движения.

Экономическая экспансия японских компаний привела к тому, что торговля Цзяньдао всё более и более ориентировалась на Корею и Японию. В конце 1920-х гг. за границу, главным образом в Японию, вывозилось 50% всего урожая сельскохозяйственных культур [6, с. 73]. Оттуда ввозились промышленные товары, ткани.

В области идеологической экспансии японские колонизаторы главный упор делали на подрывную деятельность обществ корейских резидентов и целенаправленное школьное образование корейских детей в Маньчжурии. "Идеи, получаемые в школе, корейские дети несут в деревни. Нельзя пренебрегать работой органов просвещения среди корейцев", – писал японский автор [7, с. 253]. Учитывая, что корейские школы были тесно связаны с националистическим движением, с борьбой за независимость, японские колонизаторы стремились противопоставить им школы, управляемые японцами, и снабжаемые учебниками нужного содержания. Эти учебные заведения получали регулярные субсидии от школьных властей Кореи, ЮМЖД и различных организаций. Так 5 корейских школ Маньчжурии, управляемых администрацией северных провинций Кореи, получили в 1922 г. из бюджета Кореи около 120 тысяч иен [7, с. 253].

Активно осуществлялась идеологическая экспансия. 400 экземпляров японской газеты "Майнити симпо", издававшейся в Сеуле на корейском языке, бесплатно распространялись среди корейского населения Маньчжурии, 100 экземпляров сеульского журнала "Корея" с 1915 г. также бесплатно рассылались корейским землевладельцам Цзяньдао [11, т. 10, с. 661]. Ежегодно для (лояльных японцам) корейцев устраи-

вались экскурсии в Корею, вернувшись, они должны были рассказывать о той заботе, с которой колонизаторы относятся в Корею к корейскому народу. С 1917 г. по 1925 г. таковых в Корею побывало 414 человек [11, т. 10, с. 659, 660].

Резкое увеличение численности корейцев в Маньчжурии (В Цзяньдао, основном районе проживания корейцев в Маньчжурии в 1907 г. насчитывалось 72 056 корейцев, в 1921 г. – 307 806, в 1931 г. – 395 847) [11, т. 1, с. 326; 6, с. 68], растущая активность Японии в Цзяньдао, по существу превратившей этот район в свою полуколонию, заставили китайские власти принять радикальные меры в 1920-е годы.

Вторая половина 1920-х годов – это период гонений на корейцев, равных которым не было в истории корейской эмиграции в Китае. Правовой основой для преследования корейцев послужили, как ни странно, два японо-китайских секретных соглашения, инициатором заключения которых была Япония. Это – "Двустороннее соглашение о контроле над корейцами", заключённое 11 июня 1925 г. и получившее название "Договор Мицзя", и "Правила осуществления контроля над корейцами", заключённое 8 июля 1925 г. [9, с. 139]. Подписывая эти соглашения, японцы надеялись с помощью китайских властей пресечь антияпонскую деятельность корейских борцов за независимость в приграничных с Кореей районах Маньчжурии. Они давали право китайской администрации арестовывать корейцев, являющихся японскими подданными, невзирая на право экстерриториальности, и выдавать их Японии.

Однако для китайской администрации нежелательными были как корейские коммунисты, так и корейские крестьяне, которых японцы стремились использовать в качестве орудия колониальной политики. Вслед за заключением соглашений последовала серия законов и постановлений, выпущенных китайскими властями, обрушивших на корейцев Маньчжурии репрессии под предлогом борьбы с антияпонским движением. Эти законы преследовали цель, если не изгнать сотни тысяч корейцев из Маньчжурии, то запугать, заставить принять китайское подданство [9, с. 154-156].

За 1925 – 1926 гг. было зарегистрировано 30 случаев гонений на корейцев, основывавшихся на вышеуказанных постановлениях. Из них – 10 были в области образования, 5 – запрещение проживания, 4 – запрещение аренды земли, 4 – принуждение к натурализации, 1 – покупка земли, 6 – связаны с документами на проживание [9, с. 142, 143].

Рекордным по количеству инцидентов и интенсивности репрессий был 1927 г., когда было зарегистрировано 197 случаев. По мотивам они распределялись следующим образом: на первом месте – изгнание с места жительства (94 случая), на втором месте – принуждение к натурализации (36 случаев), на третьем месте – нарушение арендных прав (18 случаев), 12 случаев незаконного налогообложения, закрытие корейских школ (19 случаев), штрафы и прочее [9, с. 150, 151].

Японская пресса подняла кампанию, обвиняя китайские власти в преднамеренном преследовании корейцев и японских подданных и утверждая, что эти конфликты являются результатом действий, направленных против японской политики в Маньчжурии [2, 1928, № 7, с. 1].

Ненависть, питаемая китайцами к Японии и ко всему с ней связанному, переносилась на корейцев. Таким образом, Япония претворяла в жизнь излюбленное правило колонизаторов "разделяй и властвуй", вбивая клин между китайским и корейским населением Маньчжурии. Японские колонизаторы выработали специфическую многоцелевую политику в отношении маньчжурских корейцев, которая демагогически называлась "защитой и покровительством". Она являлась составной частью агрессивной политики Японии по установлению своего господства

в Северо-Восточном Китае.

Во-первых, Япония использовала лозунг "защиты корейцев" как предлог для посылки войск в Маньчжурию с целью территориальной экспансии. Присутствие корейских переселенцев в Маньчжурии стало фактором, усиливающим позиции Японии в этом регионе.

Во-вторых, целью политики "защиты и покровительства" было стремление Японии использовать корейских крестьян для японской сельскохозяйственной колонизации Маньчжурии. Колонизация этого региона силами японских колонистов по многим причинам не удалась [12, № 10, с. 54, 55, 56].

Третьей целью политики "защиты и покровительства" являлась борьба с антияпонским движением корейского населения Маньчжурии. Тем не менее, корейские переселенцы не стали послушным орудием японской агрессии. По данным японской разведки, "в конце 1921 г. 150 тысяч корейцев в Маньчжурии и Сибири находились под влиянием большевистской пропаганды" [15, с. 22]. Если японские карательные экспедиции, периодически (в 1910, 1920, 1930 гг.) вторгавшиеся в Северо-Восточный Китай для расправы с борцами за независимость, были кнутом, то "покровительство" было пряником, которым японцы надеялись привлечь корейское население на свою сторону, создать вокруг борцов за освобождение Кореи вакуум и тем самым обречь их на поражение.

Цели политики "защиты и покровительства" были сформулированы в секретном "Меморандуме Танака". В главе "Поддержка и защита корейской эмиграции" говорилось: "С одной стороны, мы сможем использовать натурализовавшихся корейцев, чтобы скупать землю под выращивание риса. С другой стороны, мы сможем увеличить им помощь через посредство "кооперативного общества", ЮМЖД и др., чтобы они могли служить передовым отрядом нашего экономического проникновения. Когда число корейцев достигнет 2,5 млн. или больше, их можно будет толкнуть на военные действия, если в этом будет необходимость, и под предлогом подавления корейцев мы сможем оказать им помощь" [14, с. 342].

Многие исследователи до сих пор спорят о подлинности "Меморандума Танака". Ограниченный объём статьи не позволяет нам высказаться по этой проблеме. Тем не менее, даже если предположить, что это искусно выполненная фальшивка, получившая международную известность, описание в этом документе политики Японии в отношении корейской диаспоры в Маньчжурии полностью соответствует (как это видно из статьи) тому, что было в действительности.

Литература

1. Вестник Азии. Харбин. 1909-1916.
2. Вестник Маньчжурии. Харбин. 1925-1934.
3. Далёкая окраина. Владивосток. 1902-1920.
4. Китай и Япония. Обзор периодической печати. Хабаровск. 1910-1916.
5. Кюнер Н.В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи. – Известия восточного института, Владивосток. 1912. т.42-43. 320 с.

6. Мун Ындо. 1920 нѣндэ чо тонман чибан чосон инмин ы киѣгыш кусон ква сѣнхвал сантэ (Классовая структура и условия жизни корейцев Восточной Маньчжурии в конце 20 – начале 30-х гг.). – Ёкса квахак. 1967. №1. с.61-79.
7. Мурата Ёсимаро, Усимару Дзюнсуке. Сайкин канто дзидзэ (Современное положение Цзяньдао). Сеул-Токио, 1927. 390 с.
8. Нагаока Титаро. Кёкуто но кэйкаку то миндзоку (Перспективы Дальнего Востока и народы). Токио, 1938. 242 с.
9. О Сэчхан. Чэман ханин ы сахвечок сильтхэ 1910-1930 (Социальное положение корейцев в Маньчжурии 1910-1930 гг.). – Пэксан хакпо, 1970, №9.с.133-290.
10. Сайкин ни окэру тѣсэн тиан дзёкё 1938 нэн (Общественный порядок в Корее в настоящее время 1938 г.). Токио, 1966. 360 с.
11. Тѣсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей).Токио: Канкокуси сирё кэнкюдзё. т.1-10. 1970 – 1971.
12. Ямада Гоити. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин (Антияпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы). – Рэкиси хёрон. Токио, 1962. № 6, 7, 9, 10.
13. Annual report on administration of Chosen 1926-1927. Keijo, Government-General of Chosen, 1928. 302 p.
14. The China weekly review. 1931. vol. 57. № 9. p. 330-356
15. The Journal of Asian studies. 1960. vol. XX. №1. p. 11-27.
16. Manchuria. Treaties and agreements. Washington, 1921.